

А. Б. Летучий

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) /

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН)

(Москва, Россия)

alexander.letuchiy@gmail.com

ПАДЕЖ НИОТКУДА (НЕСТРУКТУРНОЕ КОПИРОВАНИЕ ПАДЕЖА)*

В статье рассматриваются случаи, когда некоторая именная группа оформлена падежом, не полученным непосредственно от синтаксического хозяина. Это происходит, как правило, в сравнительных конструкциях (с союзами *как* и *как и*, а также с союзом *чем* и формой сравнительной степени прилагательного). В таких случаях падеж присваивается эталону сравнения по аналогии с объектом сравнения: *Может, мне, как Васе, уехать в деревню?* Проведённый эксперимент показал, что чаще всего это происходит с дативом в случаях, когда в сравнительной конструкции есть инфинитивный оборот — датив выражает PRO при инфинитиве или Экспериенцера при модальном предикате. Генитив маркируется по аналогии реже. Причинами такого маркирования являются промежуточная между подчинением и сочинением природа сравнительных конструкций; возможность избежать нестандартного для сравнительных конструкций расположения эталона при *как и*; смещение сферы действия при интерпретации модальных предикатов. Сходным образом устроены конструкции, где по аналогии присваивается инфинитив или другие нефинитные формы глагола. Кроме того, в русском языке есть и другие конструкции, где требуется идентичность формы двух составляющих, для одной из которых эта форма не мотивирована согласованием или управлением. Мы показываем, что неструктурное присваивание падежа не мотивируется также сочинительной природой сравнительной конструкций, а диктуется правилом, не связанным с отношением «вершина — зависимое» — особым правилом «синтаксического копирования / дублирования», связанным с семантической симметрией объекта и стандарта сравнения.

Ключевые слова: падеж, модальные конструкции, копирование категорий, эллипсис, датив, генитив, инфинитив, линейное расположение, порядок слов, ирреальность.

* Публикация подготовлена в ходе / в результате проведения исследования / работы 18–01–0032 в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2018–2019 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5–100»

Введение

Наша работа посвящена нестандартным употреблением категории падежа в русском языке. Падеж — одна из самых исследованных русских категорий, в первую очередь потому, что для неё (в отличие от числа или лица) очень ясна синтаксическая мотивация. Падеж — это категория, выражающая позицию зависимого относительно вершины и тип (лексические и грамматические свойства) самой вершины.

Стандартно считается, что падеж присваивается непосредственной вершиной зависимому:

- (1) *Вася ест яблоко.*
- (2) *Вася убедил Петю съесть яблоко.*

Например, в большинстве случаев генитив при отрицании присваивается именно тем глаголом, от которого имя непосредственно зависит:

- (3) *Я не читаю газет.*

Есть исключения — это бывает, например, когда «сверху» (от матричного предиката) присваивается падеж аргументу снизу, при этом вершина снизу (вложенный предикат) должна была бы присвоить зависимому *яблоку* конфигурационный падеж (аккузатив):

- (4) *Я не собирался покупать яблок.*

Если требуется включить и этот случай в наше понимание синтаксического присваивания падежа, нужно обобщить формулировку: падеж присваивается вершиной своему зависимому или зависимому зависимого. Именно такое понимание дало концепцию О. Матушански [2008, 2009], о которой мы кратко скажем ниже.

Концепция Матушански: присваивание падежа всеми вершинами

Ора Матушански [2008, 2009] считает, что на самом деле падеж аргументу нижней составляющей присваивают все вершины, начиная с самого верху. В конечной структуре выражаются не все падежи, которые можно было бы выбрать из присвоенных разными вершинами. Тем не менее, есть случаи, когда выражается одновременно два падежа:

Каярдилд (тангкские):

- (5) Ngada munguru, [maku-ntha yalawu-jarra-ntha
I know woman-**C.OBL** catch-PAST-**C.OBL**
yakuri-naa-ntha thabuju-karra-nguni-naa-ntha mijil-nguni-naa-nth].
fish-M.AB- **C.OBL** brother-GEN-INS-M.ABL-**C.OBL** net-INS-M.
ABL-**C.OBL**
'I know that the woman caught the fish with brother's net.' (пример из Evans 1995, Nordlinger 1998)

Лардил (тангкские):

- (6) Ngada kangka niween were-thuru-Ø wangalk-uru-Ø.
 I tell him.ACC throw-FUT-ACC boomerang FUT ACC
 ‘I told him to throw the boomerang.’ (Matushanski 2008)

В (5) на слове *thabuju* ‘брат’ возникает и инструменталь (присваивается глаголом *yalawu* ‘ловить’), и генитив посессора (присваивается существительным *mijil* ‘сеть’), и косвенный падеж зависимого предиката (присваивается матричным предикатом *mungurru* ‘знать’). Аналогичным образом, в (6) слово *wandalk* ‘бумеранг’ несёт и аккумулятив прямого объекта, и будущее время зависимого предиката.

Казалось бы, эта теория позволяет объяснить случаи дистантного маркирования падежей и / или падежных цепочек. Тем не менее, как многие мощные синтаксические теории, она имеет оборотную сторону: при ней разрешаются структуры, которые в реальности не возникают в языке или возникают не во всех языках. Если сформулировать вопрос к теории в общем виде, он будет звучать так: почему мало языков, где могут быть реализованы оба падежа? Почему, если они всё-таки могут быть реализованы, существуют довольно жёсткие правила того, в каком порядке и в каких конструкциях они реализуются?

Например, в литовском языке при отрицании на главном предикате аргумент подчинённого глагола почти обязательно стоит в генитиве. Напротив, в русском генитив отрицания через границу клаузы присваивается нечасто. Иначе говоря, дистантное присваивание генитива — скорее не принцип, а параметр, который может принимать и положительное, и отрицательное значения. Если так, получается, что теория крайне неэкономна: она позволяет сразу многим вершинам присваивать грамматические значения зависимому, однако на самом деле почти всегда грамматическое значение присваивается непосредственной вершиной.

Конструкция, которую мы исследуем, также близка к явлениям, рассматриваемым Матушански. Однако в ней проблема в каком-то смысле ещё критичнее: речь идёт даже не о присвоении падежа дистантно, а о его присвоении составляющей, семантически (и, видимо, синтаксически) не входящей в домен падежного маркирования.

Наша конструкция

Мы рассмотрим явление, которое наблюдается в русских сравнительных конструкциях с союзом *как / как и*. В (7) и (8) представлены стандартные нормативные примеры:

- (7) Серёжа, как (и) Глеб, уехал в деревню.
 (8) Он в июле разрешил мне, как и членам его семьи, называть его «Пашка».

Две идентичных падежных формы — номинативы *Серёжа* и *Глеб* в (7) и дативы *мне* и *членам семьи* в (8) структурно мотивированы. Если считать, что

в конструкциях с *как* такого рода наблюдается эллипсис глагола, то окажется, что эти падежи диктуются двумя идентичными вершинами:

- (9) *Серёжа уехал в деревню, как уехал и Глеб.*
 (10) *Он разрешил мне называть его «Пашка», как разрешил и членам его семьи.*

Если принять неэллиптическую трактовку, это тоже не противоречит примерам типа (7) и (8). Тогда можно считать, что [Серёжа, как и Глеб] — это малая сочинённая группа (ИГ); так же будет трактоваться последовательность [мне, как и членам его семьи]. В этом случае идентичность падежа будет продиктована просто совпадением падежей при сочинении, как в (11):

- (11) [Серёжа и Глеб] уехали в деревню.

Поскольку сравнительная конструкция по определению предполагает довольно большое число участников (сопоставляются несколько объектов / ситуаций и конкретные их свойства), важно выявить состав участников такой конструкции. Это было сделано в работах [Haspelmath, Buchholz 1998] [Князев 2007], [Девятова 2010]. Среди общепринятых партиципатов, которые всегда включаются в состав сравнительной конструкции, можно назвать следующих:

- Объект сравнения (*Серёжа*)
- Стандарт сравнения (*Глеб*)
- Признак, по которому проводится сравнение / основание сравнения (*уехал в деревню*)

Кроме того, часто выделяются ещё два партиципата — например, они особо отмечаются М. Хаспельматом и О. Бухгольц, но не считаются отдельными участниками у Ю. П. Князева:

- Маркер стандарта (*как*)
- Маркер признака (например, *такой же, так же* и т. д.)

В целом очевидно, почему три первых партиципата настолько общеприняты, тогда как два последних выделяются не всегда. Первые три партиципата диктуются самой ситуацией сравнения: нельзя говорить о сравнении, если нет двух сопоставляемых сущностей и основания, на котором они сопоставляются. Напротив, специальных маркеров стандарта сравнения и признака сравнения может и не быть, либо может быть неясно, стоит ли говорить об особых компонентах: например, в русской конструкции с генитивом сравнения (*Петя выше Васи*) можно считать, что генитив — это маркер стандарта, но точно так же допустимо думать, что форма сравнительной степени *выше* просто присоединяет название стандарта сравнения, а генитив присваивается ему просто на правах дефолтного, основного падежа зависимого при неглагольных вершинах. Точно так же непонятно, стоит ли считать, что в конструкции *Он плавает как рыба* есть некоторый нулевой элемент или опущенный маркер типа [так же], или лучше думать, что значение ‘так же, так же хорошо’ просто вычисляется из наименования стандарта и прагматики высказывания, а никакого маркера признака конструкция не содержит.

«Падеж ниоткуда»

Однако при анализе материала обнаруживаются нестандартные примеры, которые хуже поддаются объяснению.

- (12) *А может мне, как Лёне, уехать в деревню?*
- (13) *Тебе стоит, как и мне, поджечь губки и потерпеть месяцок-другой, да поднакопить на нормальный агрегат.* (<https://www.drive2.ru> › Сообщества › Новый Салон › Блог)
- (14) *В это полное неопределённости время юноша раздумывает над тем, не стоит ли ему — как и сотням тысяч его современников — поискать свое счастье в Америке.* (<https://ru.erbe-med.com/ru-ru/kompanija/istorija/i-rokolenie/>)
- (15) *Эх, бабуля, мне бы, как тебе, — помолодеть. — Да я не от меда так помолодела. Прошлый год у Коцея юбилей был: пятьсот лет бессмертной жизни.* (school71.moy.su › Metod › [ot_baby_jagi_do_babki_ezhki-churkina_a..pdf](#))

Датив *мне* в трёх из четырёх примеров и *ему* в оставшемся примере (14) приписывается модальной конструкцией типа *а может* или *вот бы*. В них нет позиции для канонического подлежащего в номинативе, поэтому выбирается датив — падеж реализации PRO при подчинённом инфинитиве (*уехать, уйти, жить*).

- (16) **А может, я уехать в деревню?*

Конечно, есть случаи, когда инфинитив (как правило, не подчинённый, а используемый в главном предложении) допускает номинативное маркирование подлежащего, ср., например, начинательную конструкцию типа *А царица хохотать [начала]*, однако эти употребления не относятся к ядру употреблений инфинитива, которое мы здесь и рассматриваем.

Однако со вторым дативом в примерах (12)-(15) дело обстоит хуже. Понятно, что, например, *Лёня* в (12) или *современники* в (14), не подпадают под действие модального оператора: при стандартном прочтении имеется в виду, что *Лёня* или *современники* уже совершили или совершают те действия, о которых идёт речь — эти действия не являются ирреальными и желательными, а совершенно реальными.

Ниже мы будем называть падеж стандарта сравнения в примерах типа (12)-(15) *падеж ниоткуда* или *падеж, не мотивированный структурой*. Имеется в виду, что конструкция, скорее всего, не содержит вершины, которая бы присваивала этот падеж именной составляющей. Напротив, падеж в стандартных примерах, присвоенный вершиной исходя из её модели управления, мы будем называть *структурно мотивированным*.

Дативные конструкции рассматриваемого типа не следует смешивать с предложениями типа (17):

- (17) *А зачем же земле пустовать, вдовствовать. Ей, как бабе, рожать надо.* [Иван Пузанов. На окраине // «Огонек», 1973]

Здесь оба дательных падежа (*ей* и *бабе*) приписывается модальным предикатом *надо*:

(18) ‘ей надо рожать, и бабе тоже надо рожать’.

Оба имени находятся в сфере действия модального предиката необходимости *надо*. Кроме того, существуют случаи, когда два случая плохо различимы. Так, в примере (19) ниже допустимы две интерпретации: при первом структурно мотивированы оба дательных падежа, во втором — только первый датив *вожатым*:

(19) *Вот, если все пионеры будут так готовиться к выборам, то на сборах не будет молчания и не придется вожатым, как нянькам, упрашивать ребят: «Выскажись ты, Маня, выскажись ты, Петя...»* [Д. Постников. Все зависит от хорошей подготовки // «Пионерская правда», 1939]

(i) (структурно мотивированные дативы) ‘и вожатым, и нянькам приходится упрашивать ребят’

(ii) (падеж ниоткуда) ‘вожатым приходится упрашивать ребят, и няньки тоже так делают’.

Напротив, примеры ниже принадлежат к тому же типу, что и (12)-(15):

(20) *Ирка даже засопела, а потом подумала: что же ей, как Кате, в платочек сопливиться, что ли.* (www.litavrora.ru › *proza* › *item* › *230-aleksej-samojlov-takhnemsta*).

(21) *Он не хочет сидеть в культурной нише, которая как бы специально предназначена для того, чтобы он ее занял, и в которой было бы уже все расписано: как выглядит гений, какая мысль интересная, а какая неинтересная, чем нужно заниматься, и что нужно производить, и как нужно страдать, — короче, как пчелке, сидеть в улье и, так сказать, выделять «культурные ценности».* [Мераб Мамардашвили. Картезианские размышления (1981–1993)] (пчёлка уже сидит в улье).

(22) *Свобода надежнее. Потерянность правда, накопление ложь. Ты пишешь это и понимаешь, что другой и тут с тобой, согласен. Ему, как тебе, оступаться и бить бока до синяков.* [В. В. Биbihин. Из записей на тему самопознания. Отдельные записи и отрывки из дневников (нач. 70-х—нач. 90-х гг.) (1970–1992)]

(23) *Первая мысль: ей, как Норе, уехать из дома; вторая: как Элле Рентгейм, здесь остаться, чтоб мстить. Элле, или?...* [Андрей Белый. Москва. Часть 1. Московский чудак (1926)]

(24) *Надо мне, как тебе, занятия по неделе пропускать.*

(25) *Может тебе, как Фишеру, бросить школу?* (chess86.ru/interview/item/16)

(26) *Может, тебе, как Косому, пластику соорудить на лице?* (<https://up74.ru> › *articles* › *obshchestvo*)

- (27) *А вечером подошёл отец к сыну и говорит: — Наточил я топор и убью тебя сам. Зачем тебе, как **братьям**, в чужие края ходить да там погибать?* (<http://www.otorten.ru/rodnoe-stado.html>)

Например, в (27) подразумевается, что отец не хочет отпускать сына в чужие края и считает, что ходить туда ему незачем. Однако словоформа *братьям* не находится внутри конструкции *Зачем тебе ходить* — имеется в виду, что братья уже ушли в чужие края и погибли (структурно мотивированной была бы форма *братья* — ‘зачем тебе ходить, как пошли твои братья’ — зависящая от подвергнутой эллипсису финитной формы типа *пошли* или *ушли*).

Другие контексты «падежа ниоткуда»

Хотя основным предметом исследования являются контексты с показателями сравнения *как*, *как и*, «падеж ниоткуда» может появляться и за их пределами. В частности, другая сфера их распространения — конструкции со сравнительной степенью:

- (28) *Может быть, именно вашему щенку для нормальной жизни надо есть больше, чем другим...* (<https://zooclub.ru> > consult > show)
- (29) *Кроме того, в спортзале есть души, а это позволит спортсменам мыться чаще, чем другим заключенным.*

Пример (28) допускает два толкования: при одном из них падеж структурно мотивирован (сравнивается то, насколько много нужно есть щенку адресата и другим щенкам, и ИГ *вашему щенку*, и прилагательное *другим* получают датив от предикатива *надо* — *надо есть больше, чем [надо есть] другим*). При втором речь просто идёт о том, что все щенки едят определённое количество еды, а щенку адресата надо есть больше — а значит, датив *другим* — это «падеж ниоткуда» (‘вашему щенку надо есть больше, чем [едят] другие’).

Куда более однозначен пример (29). Каузативный глагол *позволит* явно относится только к спортсменам, сидящим в тюрьме. Речь не идёт о том, что душ позволяет мыться и другим заключённым, но реже, чем спортсменам — имеется в виду ‘Это позволит спортсменам мыться чаще, чем [моются] другие заключённые’. Датив *другим* явно не мотивирован структурно.

Эти два случая ещё раз указывают на то, что противопоставление структурно мотивированного и не мотивированного падежа тесно связано с конкретным контекстом и семантикой конкретных матричных глаголов.

Кратко о *как* и *как и*

Хотя в наши задачи не входит описание распределения *как* и *как и*, скажем несколько слов о разнице между этими показателями. В общем можно считать, что *как* тяготеет к нереферентным и модализованным контекстам, а конкретно-референтные реальные контексты обычно обслуживаются *как и*.

Так, в контексте ниже, где сопоставляются две ситуации с двумя конкретными участниками, уместно *как и*, но отнюдь не *как*:

- (30) *Лидя не была избалована ни друзьями, ни подарками. Как и Петя, она была одинока.* [Нина Федорова. Семья [автоперевод] (1952)] (?*Как Петя, она была одинока*)

Напротив, в примерах (31) и (32) *как* приемлемо. В (31) эталон сравнения не референтный. В (32) эталон сравнения референтный, но сравнение осложнено модальным значением: ‘хочет стать моряком, подражая своему отцу’.

- (31) *Он бросился на товароведа с кулаками. Но тот, как все бритоголовые мужчины, оказался силачом и действовал решительно.* [Сергей Довлатов. Заповедник (1983)]
- (32) *Но он очень моряком хочет стать, как отец наш, учится пока.* [Алексей Торгашев. Безусловная любовь // «Известия», 2001.11.07]

В частности, фраза *В Бразилии, как во всех южных странах, тепло*, нормальна, поскольку в позиции эталона здесь универсальная нереперентная группа. А вариант *В Бразилии, как в Аргентине, тепло*, скорее звучит хуже, чем *В Бразилии, как и в Аргентине, тепло*.

Интересно, что показатель *как* — вроде бы дефолтный, обладающий более широким значением и более простой формально, чем *как и*, — в данном случае не употребляется, казалось бы, в наиболее прототипической ситуации сопоставления конкретных предметов. Эта загадка решается просто: для ситуации сравнения конкретно-референтный эталон вовсе не является прототипическим. Прототипическая ситуация как раз состоит в том, что эталон является нереперентным, а референтное сравнение требует специализированного показателя *как и*.

Роль линейного расположения

Для конструкции с показателем *как и* одной из причин неканонического падежного маркирования являются ограничения на линейную позицию. Можно видеть, что при словосочетании *как и* структурно мотивированное маркирование может быть сомнительно или даже неграмматично. Так обстоит дело с примерами (33) и (35). Напротив, примеры (34) и (36), хотя и содержат не мотивированное структурно маркирование («падеж ниоткуда»), вполне приемлемы (именно они встретились в реальных текстах):

- (33) ??*Может, тебе, как и я, уже пора квет попить?*
- (34) *Может тебе, как и мне, уже пора квет попить?* ([https://psy-ru.org > viewtopic](https://psy-ru.org/viewtopic))
- (35) ??*Может тебе, как и герой новости, тоже у психолога провериться?*
- (36) *Может тебе, как и герою новости, тоже у психолога провериться?* (<https://allbasketball.ru/27650-roys-uayt-mozhet-prodolzhit-kareru-v-evrope.html>)

Дело в том, что *как и* в стандартном случае при различном падежном маркировании требует расположения каждой из сравниваемых именных групп после своего предиката:

(37) *Может, тебе тоже провериться у психолога, как и герой новости.*

Если бы автор текстов, приведённых выше, стремился поместить стандарт сравнения прямо после объекта сравнения, как в (33) или (35), сохранив структурно мотивированное падежное маркирование, это создало бы сомнительный для конструкций с *как и* порядок слов. «Падеж ниоткуда», как в (34) или (36), позволяет обойти это ограничение: если падежи идентичны, ИГ могут располагаться контактно и предшествовать второму предикату (*у психолога*) *провериться*. Примеры типа (38) практически не допустимы и семантически неясны.

(38) *Может, тебе, как и я, сходить в кино?*

В конструкции с *как* линейное расположение важно в меньшей мере, однако и здесь на выбор падежа второго участника влияет расположение соответствующей ИГ:

(39) *А может, мне, как Глебу, уехать в деревню?*

(40) *А может, мне уехать в деревню, как в прошлом году Глеб / *Глебу?*

В частности, релевантно то, до зависимой клаузы или после (если конструкция би-клаузальная) находится стандарт сравнения. Оказывается, что если стандарт сравнения стоит сразу после объекта сравнения и до зависимого предиката, весьма вероятен выбор «падежа ниоткуда». Напротив, если между объектом и стандартом сравнения больше расстояние, в том числе они разделены зависимым предикатом и даже (как в (40) обстоятельством, структурно мотивированный падеж становится предпочтительнее. Впрочем, не вполне очевидно, чем именно объясняется разница между примерами (39) и (40). Возможны две трактовки: синтаксическая и прагматическая.

При малой синтаксической трактовке мы считаем, что контактно расположенные объект и стандарт сравнения (например, [*мне, как Глебу*]) образуют малую составляющую типа сочинённых ИГ [*Вася и Петя*]. Сочинённые ИГ также требуют контактного расположения компонентов — если же второй компонент сильно отнесён от первого, например, находится в постпозиции к глаголу, сочинительная конструкция утрачивает свойства ИГ, например, перестаёт контролировать множественное согласование:

(41) *Вася и Петя пришли.*

(42) **Вася пришли, и Петя.*

(43) *Вася пришёл, и Петя.*

Прагматическая трактовка предполагает, что сильным фактором выбора «падежа ниоткуда» является близкое расположение первой ИГ в том же падеже — объекта сравнения. Если же расстояние между объектом и стандартом большое, влияние первой группы на вторую ослабевает, и падеж выбирается исходя из управления вершины, от которой зависит стандарт, как в примере (37).

Другие падежи?

Естественно возникает вопрос, бывает ли, что «падежом ниоткуда» является не датив, а другая падежная граммема. Отметим, что такие контексты довольно сложно найти. Как видно из предыдущего описания, к ним предъявляются следующие требования:

- при одном глаголе возможны два разных типа маркирования (хотя бы при наличии некоторого оператора — например, не структурно мотивированный датив возникает потому, что глаголы с канонической моделью управления могут получать дативное подлежащее, если стоят в инфинитиве);
- это не должны быть два разных значения / прочтения глагола (иначе возникнет эффект языковой игры);
- при этом структурно мотивированные и немотивированные контексты должны чётко различаться.

Один из возможных случаев такой падежной вариативности, где могли бы ожидать «падежи неоткуда» — генитив при отрицании. Как показано в многочисленных исследованиях, например, [Partee & Borschev 2002a, 2002b], [Рахилина, Резникова, Летучий (ред.) 2008] и др., как правило, генитив и форма, которую он заменяет, могут встречаться при одном и том же глаголе, причём в контексте отрицания появляется возможность генитива, но не утрачивается и исходное падежное управление (ср. *мороз не чувствовался* и *мороза не чувствовалось*).

Ниже приведён пример, который теоретически может интерпретироваться как содержащий «падеж ниоткуда»:

(44) *Мороза в той же мере, что и ветра, не чувствовалось.*

Очевидно, что пример имеет структурно мотивированную интерпретацию: отрицание приписывает оба генитива. При этом одно из отрицаний, вероятно, подвергается опущению вместе с глаголом, к которому относится:

(45') 'Мороза [GEN] не чувствовалось в той же мере, в какой не чувствовалось ветра [GEN]' (ни того, ни другого особенно не чувствовалось).

Вопрос же заключается в том, возможна ли другая интерпретация, где форма генитива *ветра* не попадает в сферу действия отрицания, а относится к утвердительной форме:

(45'') 'Мороза [GEN] не чувствовалось, по крайней мере, так же сильно, как чувствовался ветер [GEN]'.

В этом случае нужно считать, что генитив — это «падеж ниоткуда»: положительная форма *чувствовалось* / *чувствовался* не может управлять родительным падежом (**Чувствовалось мороза*). Однако генитивные контексты (ни в одном варианте — ни в структурно мотивированном, ни с «падежом ниоткуда») не удаётся найти в реальных текстах. Именно поэтому мы обратились к экспериментальным данным.

Устройство и цель эксперимента

Целью эксперимента является поиск ответа на два вопроса:

1) насколько типична ситуация, при которой у некоторого примера есть и структурно мотивированная интерпретация, и интерпретация с «падежом ниоткуда»?

2) насколько хорошо оцениваются носителями примеры, где падежи различаются, при этом каждый из них явно структурно мотивирован.

Чтобы ответить на вопрос 1), носителям предлагалось оценить для примеров типа (45) два прочтения отдельно:

(45) *Не лучше ли Серёже, как его другу Лёхе, просто уехать в деревню?*

(i) Структурно мотивированы оба датива: ‘Не лучше ли Серёже уехать в деревню, и его другу Лёхе не лучше ли уехать в деревню?’ Ни Серёжа, ни Лёха ещё не уехали в деревню, однако для них обоих Говорящий считает такое развитие событий возможным.

(ii) Структурно мотивирована только падежная форма *Серёже*: ‘Не лучше ли Серёже уехать в деревню, как уехал в деревню его друг Лёха?’ Лёха уже уехал в деревню, а для Серёжи Говорящий считает такое развитие событий возможным. Тем самым, только форма *Серёже* семантически попадает в сферу действия модального предиката *не лучше ли*.

Кроме того, для всех примеров с совпадением падежей предлагался третий ответ:

(iii) Ни одна из интерпретаций не возможна.¹

Ответ на вопрос 2) требовал оценки примеров с различием падежных форм:

(45') *Может мне, как Юра, зарабатывать на жизнь поэзией?*

Если верно, что Юра уже зарабатывает на жизнь поэзией, а Говорящий ещё нет, то по логике вещей форма номинатива *Юра* зависит от финитной формы с реальным значением (‘как зарабатывает Юра’), а форма датива *мне* — от модальной конструкции *может* + INF. Тем самым, два падежа различаются, и оба структурно мотивированы.

Для симметрии при примерах типа (45') также указывалось три варианта ответа:

1) ‘я только хочу зарабатывать на жизнь поэзией, а Юра уже зарабатывает’ (структурно мотивированный падеж).

2) ‘и я, и Юра, могли бы зарабатывать на жизнь поэзией, но ещё не зарабатывают’ (сомнительное прочтение).

3) Ни в одном из прочтений предложение не возможно.

Перейдём теперь к результатам эксперимента.

¹ Приведённый список ответов показывает, что сумма процентов во всех трёх вариантах ответа может быть больше 100%: это связано с тем, что респондент может допускать и интерпретацию (i), и интерпретацию (ii) — в этом случае его ответ попадает в число ответов сразу к двум вариантам.

Результаты эксперимента

Ниже приведены оценки всех предлагавшихся носителям предложений:

- С дательным падежом

(46) *Не лучше ли Серёже, как его другу Лёхе, просто уехать в деревню?*

Принято всеми носителями.

74 из 79 (93,7%) принимают в значении 'Лёха уже уехал в деревню'. (падеж ниоткуда)

34 из 79 (43%) принимают в значении 'Лёха ещё не уехал в деревню'. (структурно мотивированный падеж)

(47) *А может мне, как Илье, уволиться с работы и заниматься только медитацией?*

Принято 98,6% носителей.

65 из 69 (94,2%) принимают в значении 'Илья уже уволился' (падеж ниоткуда)

19 из 69 (27,5%) принимают в значении 'Илья ещё не уволился' (структурно мотивированный падеж)

Оценка конструкций с несовпадением падежей сильно варьирует, но в целом они оцениваются хуже, чем с совпадением.

(48) *Может мне, как Юра, зарабатывать на жизнь поэзией?*

Принимается 92,4% носителей.

73 из 79 (92,4%) принимают в значении 'Юра действительно зарабатывает на жизнь поэзией' (структурно мотивированный падеж)

5 из 79 (6,3%) принимают в значении 'Юра пока не зарабатывает на жизнь поэзией' (сомнительное прочтение)

(49) *Может быть, тебе, как я, лучше перестать выступать?*

Принимается 47,8% носителей.

33 из 69 (47,8%) принимают в значении 'Я уже перестал выступать' (структурно мотивированный падеж)

8 из 69 (11,6%) принимают в значении 'Я ещё не перестал выступать' (сомнительное прочтение)

(50) *Зачем Пете, как Глеб, идти на передачу?*

Принимается 45,5% носителей.

33 из 77 (42,9%) принимают в значении 'Глеб уже пошёл на передачу' (структурно мотивированный падеж)

17 из 77 (22,1%) принимают в значении 'Глеб ещё не пошёл на передачу' (сомнительное прочтение)

Не мотивированный структурно генитив при отрицании принимается меньшим количеством носителей, чем датив. В то же время и конструкция, отвечающая

структуре, с расхождением падежей (пример (54)), принимается сравнительно малым числом носителей. Иначе говоря, если объект сравнения стоит в генитиве при отрицании, не существует абсолютно преобладающего способа кодирования стандарта сравнения, не попадающего в сферу действия отрицания.

(51) *К сожалению, Пети не оказывалось в университете так же часто, как Глеба.*

Принимается 91 % носителей.

33 из 78 (42,3 %) принимают в значении ‘Петя нечасто оказывался в университете, а Глеб часто’ (падеж ниоткуда)

51 из 78 (65,4%) принимают в значении ‘и Пети, и Глеба часто не оказывалось в университете’ (структурно мотивированный падеж)

(52) *К сожалению, присяжные не выносят оправдательных приговоров так же часто, как обвинительных.*

Принимается 81,2% носителей.

52 из 69 (75,4%) принимают в значении ‘присяжные редко выносят оправдательные приговоры, а обвинительные выносят часто’ (падеж ниоткуда)

10 из 69 (14,5%) принимают в значении ‘присяжные редко выносят / часто не выносят и обвинительные, и оправдательные приговоры’ (структурно мотивированный падеж)

(53) *К сожалению, мы не обсуждаем важных тем так же часто, как **планов на выходные**.*

Принимается 79% носителей.

60 из 81 (74,1%) принимают в значении ‘важные темы мы обсуждаем редко, а планы на выходные — часто’ (падеж ниоткуда)

10 из 81 (12,3%) принимают в значении ‘мы редко обсуждаем / часто не обсуждаем и планы на выходные, и важные темы’ (структурно мотивированный падеж).

(54) *Писем не приходило так же регулярно, как **посылки**.*

Принимается 28,6% носителей.

8 из 70 (11,4%) принимают в значении ‘регулярно не приходили ни письма, не посылки’ (сомнительное прочтение).

15 из 70 (21,4%) принимают в значении ‘письма приходили нерегулярно, а посылки регулярно’ (структурно мотивированный падеж).

Кроме того, мы проверили на нескольких носителях контекст, где выбор проводится между «аккузативом ниоткуда» и структурно мотивированным аккузативом.

(55) *Ты что, хочешь меня заставить, как **Серёжу**, пять лет на себя работать?*

(i) (падеж ниоткуда) ‘Ты хочешь заставить меня работать на себя пять лет, как раньше на тебя работал Серёжа?’ (АСС в первом случае — от *заставить*, во втором — на самом деле должен быть номинативным подлежащим)

(ii) (структурно мотивированные падежи) ‘Ты хочешь заставить меня работать на себя пять лет, как раньше заставил Серёжу?’ (оба АСС — от глагола *заставить*).

Практически всегда носители считают возможной только первую интерпретацию, в которой обе формы аккузатива находятся в сфере действия предиката ‘заставить’ и синтаксически от него зависят. Тем не менее, ряд примеров показывает, что и аккузатив может быть не структурно мотивированным. Если пример (56) несколько отличается от большинства исследованных нами (союз *как* здесь выражает не сравнение в чистом виде, а скорее имеет прочтение ‘как будто я дурак’), то (57) иллюстрирует сравнение. При этом имеется в виду, что героев нужно заставить не выпячивать своё поведение, как делают и другие люди — однако речь не идёт о том, что других людей тоже заставляют так себя вести. Тем самым, аккузатив *людей* не структурно мотивирован.

(56) *Что-то, что могло бы заставить меня как дурака стоять в очереди у магазина Apple в ночь перед стартом продаж.* (<https://www.gazeta.ru> > Технологии > Гаджет)

(57) *А во-вторых, не «загнать в цель», а заставить их (как и других людей) не выпячивать свое аморальное поведение на публике.* (forum.ixbt.com > topic)

Итак, мы выяснили, что «падеж ниоткуда» в разной мере допустим для носителей в зависимости от падежной грамматики и конкретного примера. Однако в целом степень приемлемости довольно высокая. Во всех примерах, кроме (51) и (53) (и во всех примерах с дативом), приемлемость «падежа ниоткуда» выше, чем 75%. В трёх примерах эта интерпретация принимается более чем 90% носителей.

Неструктурное приписывание других категорий

Хотя выше мы обсуждали конструкции с неструктурным присваиванием падежа, на самом деле и маркирование других грамматических значений может вытекать из структурных отношений «вершина-зависимое». Так, в (58) таким же образом присваивается инфинитив:

(58) *По предсезонным матчам мы показали, что можем выигрывать чаще, чем проигрывать.* ([https://www.championat.com/...](https://www.championat.com/))

Возможно, теоретически и можно считать, что и глагол *выигрывать*, и *проигрывать* зависят от матричного предиката *можем*. Однако более естественно думать, что ситуация *проигрывать* — эталон сравнения — имеет место в реальности. Речь не идёт о том, что команда может и выигрывать, и проигрывать — главное, чтобы команда стала чаще выигрывать — чаще, чем она в реальности проигрывает.

Ещё более ярким является случай, представленный в фазовых конструкциях с моделью *начать с того, что* (см. Letuchiy 2018). В этих конструкциях форма, которую глагол *начать* получает либо в силу семантики и коммуникативных

характеристик (императив), либо от вышестоящего глагола (инфинитив), может распространяться на глагол, которым управляет *начать*:

- (59) *Деловой совет женщине: если хочешь устроить незабываемый вечер, начни с того, что купи красивое белье.* (Юлия Бердникова. Психология счастливого брака)

Оба эти случая похожи на описанное ранее приписывание падежа в сравнительных конструкциях тем, что некоторая граммема приписывается слову, не зависящему напрямую от приписывающей вершины. Однако различие в том, что в конструкциях (58) и (59) эта граммема (соответственно, инфинитив и императив) отражает семантику ситуации: например, в (59) в сферу действия императивного оператора входят и глагол *начни*, и глагол *купи* — оба этих действия являются содержанием совета. Напротив, в компаративах оказывается, что, например, не структурно мотивированные дативы никак не отражают семантику конструкции — в примерах типа *А может, мне, как Глебу, уехать в деревню* имя *Глеб* не находится в сфере действия модального оператора. В этом смысле копирование падежа в меньшей мере семанлично, чем копирование форм глагола.

Способы объяснения

Попробуем теперь объяснить, почему копирование падежа в сравнительных конструкциях вообще возможно. Как мы покажем, это не объясняется смешанной подчинительно-сочинительной природой компаративов. Скорее дело в том, что благодаря семантической симметрии актантов возникает требование идентичности их маркирования — и это требование может оказываться сильнее вершинно-зависимостных отношений и связанных с ними требований падежа.

I. Сочинительная природа сравнительных конструкций

В. З. Санников [2008] доказывает, что сравнительные конструкции совмещают в себе свойства сочинительных и подчинительных конструкций. Например, в отличие от многих других подчинительных конструкций (конструкций временной последовательности, причины, цели и др.), сравнительные конструкции легко допускают эллипсис совпадающего сказуемого:

- (60) *Петя вёл себя, как слон в посудной лавке.*
(61) *??Петя поступил в этот институт, после того, как Вася — в школу.*
(62) *??Петя купит хлеб, если его брат — халву.*

К аналогичным результатам на типологическом материале приходят авторы работ [Kántor 2010] и [Bacskaï-Atkari 2018]. Казалось бы, можно считать, что оформление объекта и стандарта сравнения одинаковыми падежами — это просто один из аспектов сочинительного поведения компаративов. Действительно, в сочинительных конструкциях конъюнкты обычно оформляются одинаковыми падежами:

ср. возможное *Он не читает ни книг, ни газет* и невозможное *Он не читал ни «Преступления и наказания», ни вчерашние газеты*, где первый конъюнкт маркирован генитивом, а второй — аккузативом.

Однако объяснение с помощью сочинения оказывается довольно слабым. Его основной недостаток в том, что в некоторых аспектах сравнительные конструкции явно ведут себя, как подчинительные. Объект сравнения, в частности, не проявляет островных свойств при вопросе и образовании относительной клаузы, как это бывает с конъюнктами сочинительной конструкции.

Вопросительный вынос из первой части сравнительной конструкции возможен:

- (63) *Кто уехал в деревню, как и Глеб?*
(64) *Кто из нас, как он, противостоит трудностям, проблемам, давлению, угрозам, направленным против нас с четырех сторон?!* (1news.az › news › rochemu-my-takie)

Релятивизация объекта сравнения возможна:

- (65) *Хочу помочь всем тем, кто может, как и я, попасться на удочку этих жуликов-экспертов.* (https://www.yell.ru/moscow/com/nezavisimiyiy-tsentr-ekspertizyi-i-otsenki-ooo_10880263/)

Кроме того, если падежное маркирование отражает сочинительные свойства сравнительных конструкций, то почему возможна и более распространена всё-таки не стратегия с падежом ниоткуда, а структурно мотивированная стратегия, где при необходимости объект получает одно маркирование, а стандарт другое? Можно было бы сказать, что два варианта допустимы благодаря промежуточной структуре компаративов, однако мы видим, что это не совсем так. Очень во многих контекстах вариант без «падежа ниоткуда» сомнительнее, чем с ним. Тем самым, варианты не равноправны.

Наконец, сочинительная трактовка не облегчает семантические проблемы. Даже если считать, что синтаксически падеж передаётся сразу всей сочинительной группе или её обоим конъюнктам по отдельности, как обстоит дело со значением? Ведь, например, дативное маркирование первой ИГ (объекта сравнения) показывает, что объект сравнения является аргументом модального отношения и / или PRO подчинённого инфинитива. А идентичное маркирование стандарта, который не является аргументом такого отношения, не несёт семантической нагрузки и не функционально.

II. Синтаксическое копирование

Второй подход состоит в том, что требование идентичности падежей — не полностью синтаксическое. Имеет место процесс, который можно назвать синтаксическим дублированием или копированием. Вероятно, в некоторых конструкциях просто требуется, чтобы формы двух сопоставляемых объектов совпадали, и это структурно не мотивировано (во всяком случае, не мотивировано стандартными

правилами управления). В большинстве случаев это требование соблюдается тривиальным образом: часто и объект, и стандарт сравнительной конструкции синтаксически зависят от одного предиката и находятся в одной синтаксической позиции, например, прямого дополнения при глаголе *знать* в (66).

(66) *Я знаю Петю так же хорошо, как Васю / *Вася.*

Однако это не всегда так: может оказаться, что некоторый предикат, от которого зависит ИГ-объект, на стандарт своё управление не распространяет.

(67) *Он считал Петю таким же хорошим другом, как Вася.*

Исходной конструкцией является вариант с идентичным падежным маркированием *Петя такой же хороший друг, как Вася*. Затем объект сравнения переходит в позицию прямого дополнения при глаголе *считать*, а *Вася* этого не делает. В частности, при генитиве отрицания вариант с двумя генитивами сомнителен. Однако вариант с GEN объекта и NOM стандарта просто невозможен:

(68) *Мороза в той же мере, как ветер, не чувствовалось.*

Ср. недопустимое предложение (69) и допустимое (70):

(69) **Мороз чувствовался, а ветра — нет.*

(70) *Мороза не чувствовалось, и ветра тоже.*

Иначе говоря, приходится считать, что в ряде случаев структурные требования управления и семантические требования оказываются слабее, чем требование идентичности падежей. При этом требование идентичности тоже связано и с семантикой, и с синтаксисом. Оно просто показывает, что синтаксические правила и тенденции не сводятся к моделям управления вершин. Оказывается, что могут существовать синтаксические правила, не формулирующиеся в терминах управления или согласования между вершиной и её зависимым, или даже между вершиной и составляющей внутри зависимого. Наше правило выглядит примерно так:

Падеж объекта и стандарта должен / может совпадать

При этом несущественно, что объект и стандарт сравнения не принадлежат к одной составляющей. Структурный фактор (локальное управление) может быть преодолен благодаря семантической симметрии между объектом и стандартом.

Ещё одним фактором копирования падежа («падежа ниоткуда») является то, что во второй части, выражающей стандарт, обычно имеет место эллипсис. Примеры типа *А может, мне уехать в деревню, как уехал и Петя* редки, и «падежа ниоткуда» в них не возникает. В стандартном же случае, где вершина второй клаузы подвергается эллипсису, оказывается, что давление конструкции в первой клаузе (например, модальной типа *может, мне уехать*) на ИГ с ролью стандарта (*Петя*) слишком велико. Поскольку выраженной вершины, конкурирующей с модальной конструкцией *может, уехать* за право приписывать падеж стандарту сравнения *Петя*, в предложение нет, *Петя* может получать датив от предиката первой клаузы: *А может, мне, как Пете, уехать в деревню.*

Заключение

В русской сравнительной конструкции ИГ в позиции стандарта может принимать падеж, не продиктованный структурой. Факторы его возникновения таковы:

- 1) Тенденция к идентичности категорий в сравнительных конструкциях.
- 2) Общие смешанные сочинительно-подчинительные свойства сравнительных конструкций.
- 3) Близкая дистанция.

По-видимому, данное явление входит в круг явлений, которые могут описываться как копирование грамматических характеристик (см. о других случаях Letuchiy 2018). Существенно, что такой прагматический, не собственно структурный фактор, как совпадение падежей, может оказываться сильнее, чем требования структуры, в частности, модель управления вершины, от которой зависит получающая падеж именная группа.

Вернёмся к теории Оры Матушански, о которой мы говорили выше. Можно ли считать, что «падеж ниоткуда» является аргументом в пользу множественного присваивания падежа? По-видимому, в очень слабой степени: «падеж ниоткуда» не распространяется на широкие классы конструкций, а возникает только в сравнительных. Тем самым, объяснение для нашего случая должно опираться не на такой глобальный синтаксический механизм, как присваивание падежа многими вершинами, а на более локальный. Можно считать, что некоторые конструкции (сравнительные конструкции здесь являются самым очевидным случаем) задают семантическую структуру с симметрией участников: как бы сильно ни различались свойства участников при сравнении, само сравнение противопоставляет их друг другу и делает в известной мере параллельными. Именно отсюда возникает тенденция к параллелизму на синтаксическом уровне. Эта тенденция может обладать над семантикой конкретного предложения, где участники сравнительной ситуации на самом деле зависят от разных предикатов или форм предикатов и должны бы маркироваться разными падежами.

При этом вряд ли можно считать, что это явление представляет собой один из типов ошибки, вызванной праймингом — влиянием встреченной ранее формы в аналогичном падеже. Во-первых, в нашем эксперименте испытуемые читали предложения и располагали временем на то, чтобы обдумать их правильность, тем самым, значимость чисто коммуникативных факторов типа прайминга должна была снизиться. Во-вторых, существенно, что предложения с «падежом ниоткуда» не просто оцениваются хорошо, но и лучше своих структурно мотивированных и вроде бы более логически объяснимых коррелятов. Тем самым, носители вполне сознательно выбирают структуры с идентичностью падежа.

Задача будущих исследований — понять, насколько такая ситуация распространена; насколько часто оказывается, что язык требует идентичности некоторых форм просто исходя из их семантико-прагматического параллелизма, симметрии и так далее, даже если это противоречит структуре.

Литература

Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка. М.: УРСС, 2010. 320 с.

Князев Ю. П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007. 705 с.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Летучий А. Б. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел 2000, 2008. 176 с.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Bacskai-Atkari J. Deletion phenomena in comparative constructions. English comparatives in a cross-linguistic perspective (Open generative syntax 3). Berlin: Language Science Press, 2018. 255 p.

Borschev V., Partee B. H. The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered // Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série) / ed. By E. Hajičová et al. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 185–250.

Borschev V. and B. H. Partee. The Russian genitive of negation: Theme / rheme structure or perspective structure? // Journal of Slavic Linguistics. 2002. № 10. P. 101–140.

Evans N. Multiple Case in Kayardild: Anti-Iconic Suffix Ordering and the Diachronic Filter // Double Case: Agreement by Suffixaufnahme / ed. by F. Plank. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 396–428.

Haspelmath M. and Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology / EUROTYP, 20(3)) / ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. P. 277–334.

Kántor G. Syntactic processes and interface phenomena in comparatives. Budapest: Eötvös Loránd University dissertation, 2010.

Letuchiy A. Tense and irrealis marking in tricausal constructions (and what distinguishes them from biclausal constructions) // Linguistics. 2018. V. 56. № 1. P. 163–206.

Matushansky O. Some cases of Russian // Formal Studies in Slavic Linguistics. Proceedings of FDSL 7.5 / ed. by G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, and E. Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 117–135.

Matushansky O. A Case Study of Predication // Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5 / ed. by F. Marušič, and R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

Alexander B. Letuchiy

*National Research University Higher School of Economics /
Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alexander.letuchiy@gmail.com*

NON-STRUCTURAL CASE COPYING

The article focuses on Russian constructions where the case of an NP is not acquired from the syntactic head. This phenomenon is characteristic, first of all, of comparative constructions with *kak* (*Mozhet, mne, kak Vase, uexat' v derevnu?* 'Maybe, I, like Vasja, should go to the village?') and for constructions with the comparative degree and the marker *čem* (*Mne nado est' bol'se, čem drugim*). The experiment described in the work shows that mainly dative forms are copied, but genitive doubling is also possible. In dative constructions, the dative expresses PRO in the infinitive clause and/or experiencer in the modal predicate. There are several reasons for this non-structural marking: the nature of comparatives, which are intermediate between coordination and subordination; the possibility of avoiding a non-canonical linear position of the standard of comparison (for constructions with the marker *kak i*). Constructions where non-finite verb forms are copied are structured similarly to case-copying constructions. Finally, Russian has constructions outside the domain of comparison where the form of two constituents must be identical, though only one of them acquires this form by means of canonical head-dependent relations. We also argue that non-structural case assignment does not result from the coordinating properties of comparative constructions; rather, it is motivated by a rule not related to the head-dependent relations, which can be called 'syntactic doubling/copying' and can be explained by the semantic symmetry between the object and the standard of comparison.

Keywords: case, modal constructions, case copying, ellipsis, dative, genitive, infinitive, linear position, irrealis.

References

Bacskai-Atkari J. Deletion phenomena in comparative constructions. *English comparatives in a cross-linguistic perspective (Open generative syntax 3)*. Berlin: Language Science Press, 2018. 255 p.

Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of Theme-Rheme structure reconsidered. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague (nouvelle série)* / ed. By E. Hajičová et al. Amsterdam: John Benjamins, 2002, pp. 185–250.

Borschev V., Partee B.H. The Russian genitive of negation: Theme / rheme structure or perspective structure? *Journal of Slavic Linguistics*, 2002, no. 10, pp. 101–140.

Devjatova N.M. *Sravnenie v dinamičeskoj sisteme jazyka* [Comparison in the dynamic system of language]. Moscow, URSS, 2010. 320 p. (in Russ.)

Evans N. Multiple Case in Kayardild: Anti-Iconic Suffix Ordering and the Diachronic Filter. *Double Case: Agreement by Suffixaufnahme* / ed. by F. Plank. Oxford: Oxford University Press, 1995, pp. 396–428.

Haspelmath M. and Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe. *Adverbial constructions in the languages of Europe. (Empirical Approaches to Language Typology / EUROTYP, 20(3))* / ed. by J. van der Auwera. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, pp. 277–334.

Kántor G. *Syntactic processes and interface phenomena in comparatives*. Budapest: Eötvös Loránd University dissertation, 2010.

Knjazev Yu.P. *Grammatičeskaja semantika. Russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive* [The grammatical semantics. Russian in the typological perspective]. Moscow, «Jazyki russkoj kul'tury» Publ., 2007. 705 p. (in Russ.)

Letuchiy A. Tense and irrealis marking in triclausal constructions (and what distinguishes them from biclausal constructions). *Linguistics*, 2018, v. 56, no. 1, pp. 163–206.

Matushansky O. Some cases of Russian // *Formal Studies in Slavic Linguistics. Proceedings of FDSL 7.5* / ed. by G. Zybatow, Ph. Dudchuk, S. Minor, and E. Pshehotskaya. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, pp. 117–135.

Matushansky O. A Case Study of Predication. *Studies in Formal Slavic Linguistics. Contributions from Formal Description of Slavic Languages 6.5* / ed. by F. Marušič, and R. Žaucer. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008, pp. 213–239.

Rakhilian E. V., T. I. Reznikova, and A. B. Letučij (eds.). *Ob'jektnyj genitive pri otricanii v russkom jazyke* [Object genitive of negation in Russian]. Moscow, Probel 2000, 2008. 176 p. (in Russ.)

Sannikov V. Z. *Russkij sintaksis v semantiko-pragmatičeskom prostranstve* [Russian syntax in the semantico-pragmatic space]. Moscow, «Jazyki slavjanskix kul'tur» Publ., 2008. 624 p. (in Russ.)